

Улыбка. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Улыбка. Фёдор Сологуб

I

В саду дачи Семибояриновых, по случаю именин одного из сыновей, Леши, гимназиста второго класса, собралось десятка полтора мальчиков и девочек разного возраста и несколько юношей и девиц. Лешины именины для того и справляли, чтобы лишний раз собрать молодых гостей для взрослых барышень, сестер именинника.

Все были веселы и улыбались, – и взрослые, и мальчики, и девочки, которые, играя, двигались по желтому песку подметенных дорожек, – улыбался и бледный некрасивый мальчик, что сидел одиноко на скамеечке под сиренью и молча глядел на своих сверстников. Его одиночество, молчаливость и поношенная, хотя чистенькая, одежда показывали, что он из бедной семьи и стесняется этим обществом нарядных бойких детей. Лицо у него было робкое, худенькое, и грудь такая впалая, и ручки такие тощие; так смиренно они лежали, что на него жаль было смотреть. А все-таки он улыбался, – но и улыбка его казалась жалкой: не то ему весело было смотреть на игры и на веселье, не то он боялся, чтобы не рассердить кого-нибудь своим скучным видом и плохим костюмом.

Его звали Гриша Игумнов. Отец его недавно умер; мать посылала иногда Гришу к своим богатым родственникам, где Гриша всегда чувствовал скуку и неловкость.

– Что ж ты один сидишь, – иди, побегай! – сказала ему мимоходом синеглазая барышня, Лидочка Семибояринова.

Гриша не смел не послушаться, – сердце его забилось от волнения, лицо покрылось мелкими капельками пота. Он боязливо подошел к веселым краснощеким мальчикам. Они посмотрели на него недружелюбно, как на чужого, – и Гриша сам почувствовал сейчас же, что он не такой, как они: не может говорить так смело и громко, и у него нет таких желтых башмаков и задвинутой на затылок круглой шапочки с мохнатой красной шишечкой, как у мальчугана, который стоял к нему всех ближе.

Мальчики продолжали говорить между собой по-прежнему, как будто бы здесь и не было Гриши. Гриша стоял возле них в неловкой позе, принагнул тонкие плечики, крепко держался тоненькими пальцами за узенький кушачок и робко улыбался. Он не знал, как ему теперь быть, и от смущения едва слышал, что говорили бойкие мальчики.

Они окончили разговор и вдруг разбежались. Продолжая улыбаться все так же робко и виновато, Гриша неловко пошел по песчаной дорожке и опять сел на скамейку. Ему было стыдно, что вот он подходил к мальчикам, но ни с кем из них не заговорил, и ничего из этого не вышло. Усевшись, он робко осмотрелся, – никто не обращал на него внимания, никто не смеялся над ним. Гриша успокоился.

Но вот мимо него медленно прошли, обнявшись, две девочки. Под их пристальными взорами Гриша ежился, краснел, виновато улыбался.

Когда девочки прошли, одна из них, поменьше, светловолосая, громко спросила:

– Кто этот маленький уродец?

Другая, краснощекая, чернобровая, рослая девочка засмеялась и ответила:

– Я не знаю, – надо будет у Лидочки спросить. Верно, какой-нибудь бедный родственник.

– Какой смешной, – сказала маленькая блондиночка. – Уши расставил, сидит и улыбается.

Они скрылись за кустами на повороте дорожки, и Гриша перестал слышать их голоса. Ему было обидно и становилось страшно думать, что еще долго надо здесь пробыть и неизвестно, когда мама с ним пойдет домой.

Большеглазый, тоненький гимназист с упрямым хохолком, торчавшим над его крутым

лбом, заметил, что Гриша один сидит сиротой, - и он захотел чем-нибудь приласкать и утешить мальчика и подсел к нему.

- Как тебя зовут? - спросил он. Гриша тихонько назвал свое имя.

- А меня зовут Митей, - сообщил маленький гимназист. - Что ж, ты здесь один или с кем-нибудь?

- С мамой, - шепнул Гриша.

- Отчего же ты тут один сидишь? - спросил Митя. Гриша беспокойно задвигался и не знал, что сказать.

- Отчего ты не играешь?

- Не хочу.

Митя недослышал и переспросил:

- Что ты говоришь?

- Мне не хочется, - сказал Гриша немного погромче. Гимназист удивился, спрашивал:

- Не хочется? Отчего же?

Гриша опять не знал, что сказать, и растерянно улыбнулся. Митя внимательно смотрел на него. Чужие взоры всегда приводили Гришу в смущение, - он словно боялся, что в его наружности найдут что-нибудь смешное.

Митя помолчал, придумывая, что бы еще спросить.

- Ты что собираешь? - спросил он. - Какие-нибудь предметы, понимаешь, коллекцию? Мы все собираем: я - марки. Катя Покрывалова - раковины, Леша бабочек. А ты что собираешь?

- Ничего, - ответил Гриша, краснея.

- Как же ты так? - с простодушным удивлением говорил Митя. - Ничего не собираешь? Напрасно, это очень интересно!

Грише стало стыдно, что он ничего не собирает и что это обнаружилось.

"Надо собирать что-нибудь и мне!" - подумал он, но не решился сказать этого вслух.

Митя посидел немного и ушел. Гриша почувствовал облегчение. Но ему готовилось новое испытание.

По дорожкам сада гуляла нянька Семибояриновых с их младшим сыном, годовалым бутузом, на руках. Ей захотелось посидеть, и она выбрала для этого ту самую скамейку, где сидел Гриша. Ему опять стало неловко. Он глядел прямо перед собой и не решался даже отодвинуться от няньки на другой конец скамьи.

Внимание малытки скоро привлекли оттопыренные Гришины уши, и он потянулся к ним. Нянька, толстая, румяная баба, сообразила, что Гриша безответный. Она поднесла своего бутуза к Грише, и розовый младенец ухватился пухлой ручонкой за Гришине ухо. Тот обомлел от смущения, но не решился сопротивляться. А ребенок, весело и звонко хохоча, то выпускал Гришине ухо, то опять хватался за него. Румяная нянька, забавляясь не менее младенца, повторяла:

- А вот мы его! А вот мы ему зададим!

Кто-то из мальчиков увидел и сказал другим, что маленький Жоржик развоевался с тихим мальчиком, который все сидит на скамеечке. Дети сбежались, окружили Жоржика и Гришу и шумно смеялись. Гриша старался показать, что ему ничего не больно и что ему тоже весело и забавно, что Жоржик его так хватает. Но ему становилось все труднее улыбаться и страшно хотелось заплакать. Он знал, что

нельзя плакать, стыдно, и крепился.

К счастью, его скоро выручили. Синеглазая Лидочка, услышавши необычайный смех и восклицания, пришла, увидела, в чем дело, и сказала:

- Няня, как вам не стыдно! Что вы делаете?

Ей и самой стало смешно глядеть на жалкое, сконфуженное Гришине лицо. Но, поддерживая перед нянькой и детьми свое достоинство взрослой барышни, она не засмеялась. Няня встала и сказала, посмеиваясь:

- Что ж, Жоржинька легонечко. Они сами ничего не говорят, им не больно.

- Пожалуйста, чтобы этого не было! - строго сказала Лидочка. Жоржик, недовольный тем, что его отняли от Гриши, поднял крик. Лидочка взяла его на руки и унесла подальше, утешить. Ушла за ней и нянька. А мальчики и девочки не ушли. Они толпились перед сидевшим на скамейке Гришей, бесцеремонно оглядывали его.

- У него, может быть, приставные уши, - соображал один из мальчиков, потому ему и не больно.

- Ты, должно быть, любишь, когда тебя держат за уши? - спрашивал другой.

- Скажите, - спросила девочка с большими синими глазами, - вас ваша мама за какое ухо чаще держит?

- Это ему так на заказ уши вытянули, в мастерской, - кричал веселый мальчуган, звонко хохоча.

- Нет, - поправил другой, - он так и родился. Когда маленький был, его не за руку водили, а за ухо.

Гриша поглядывал на своих мучителей, как загнанный зверек, напряженно улыбался и вдруг, совсем неожиданно для веселой детворы, заплакал. Частые мелкие слезы закапали на его курточку. Дети сразу притихли. Им стало неловко. Они сконфуженно переглядывались и молча смотрели на то, как Гриша плакал, утирая лицо тоненькими руками и, очевидно, стыдясь своих слез.

- Туда же, обижаться, - сердито сказала русоволосая красавица Катя, что ему сделали? Уродец!

- Вовсе он не урод, ты сама урод, - заступился Митя.

- Терпеть не могу, когда говорят грубости, - сказала Катя, досадливо краснея.

Маленькая смуглая девочка в красной юбочке смотрела долго на Гришу, хмуря брови, очевидно, размышляя о чем-то. Потом она обвела других детей недоумевающим взглядом и тихо спросила:

- Так зачем же он улыбался?

II

Обновки у Гриши бывали редко, - делать их часто средств не хватало у матери, и потому каждая обновка была ему в большую радость. Наступила осень, стало холодно, - справила Грише мать пальто, шапку, рукавицы. Больше всего порадовали Гришу рукавицы.

В праздник после обедни он надел все свои обновки и отправился гулять. Он любил гулять по улицам, и его пускали одного: матери было некогда ходить за ним. Теперь она с гордостью смотрела из окна, когда Гриша степенно проходил по двору. Вспоминая своих зажиточных родственников, которые много обещали, но мало делали для нее, она думала:

"Вот, и сама справила, слава богу, обошлась без них".

Стоял холодный, ясный день; солнце светило не ярко; по воде городских каналов плыли первые тонкие льдины. Гриша ходил по улицам, радуясь и этому бодрому

холоду, и своим обновкам, и наивным своим мечтам, – он всегда принимался мечтать, как только оставался один, и мечтал всегда о подвигах, о славе, о блестящей, о счастливой жизни в роскошных чертогах, обо всем, что не похоже на скучную действительность.

Когда Гриша стоял на набережной Мойки и сквозь чугунную решетку смотрел на тонкое сало, плывшее по течению, к нему подошел уличный мальчишка в потасканной одежонке и с покрасневшими от холода руками. Он заговорил с Гришей. Гриша его не боялся, даже пожалел, что у него озябли руки. Новый знакомец сообщил, что его зовут Мишкой, а фамилия у него Бабушкин, потому что он с матерью живет у бабушки.

– Так как же, – спросил Гриша, – а у твоей матери какая фамилия?

– У матери? – переспросил Мишка, ухмыляясь. – А у нее фамилия Матушкина, потому что бабушка ей не бабушка, а матушка.

– Вот как! – с удивлением сказал Гриша. – А вот у меня с мамой одна фамилия: мы – Игумновы.

– Так это потому, – живо объяснил Мишка, – что твой дедушка был игумном.

– Нет, – сказал Гриша, – мой дедушка был полковником.

– Ну, все равно, дедушкин отец или кто-нибудь был игумном, вот вы все и пошли Игумновы.

Гриша не знал, кто был его прадед, и потому замолчал. Мишка все поглядывал на его рукавицы.

– Рукавицы-то у тебя знатные, – сказал он.

– Новые, – объяснил Гриша, радостно улыбаясь, – в первый раз надел. Видишь ты, – с прошивочкой!

– Ишь ты, какие важные! Поди, тепло тебе в них?

– Тепло.

– У меня тоже есть рукавицы, только я их дома оставил, они мне не нравятся. Я попрошу, чтобы мне купили такие же, как у тебя, а то мои мне совсем не нравятся. Они – желтые, а желтых не люблю. Дай мне надеть, я сбегаю, покажу бабушке, а то как же она купит!

Мишка просительно смотрел на Гришу, и глаза его завистливо блестели.

– А ты скоро? – спросил Гриша.

– Да, я вот тут близко живу, только за угол. Ты не бойся! я, ей-богу, сейчас.

Гриша доверчиво снял рукавицы и отдал их Мишке. – Я сейчас, ты постой, не уходи, – радостно крикнул тот, убегая с Гришиными рукавицами.

Он скрылся за углом, а Гриша остался ждать. Он не думал, что Мишка его может обмануть: вот сбегаёт домой, покажет, вернется и отдаст рукавицы. Но долго стоял он и ждал, а тот и не думал приходить.

Уже короткий осенний день вечерел; уже мать, встревоженная долгим отсутствием Гриши, отправилась искать его, – когда он наконец понял, что Мишка не вернется. Мальчик печально пошел домой и встретился с матерью.

– Гриша, да где ты пропадал? – и сердясь, и радуясь, что сын нашелся, спрашивала мать.

Гриша смущенно молчал, теребя свои красные от холода пальцы. Мать заметила, что у него нет рукавиц.

– Где твои рукавицы? – сердито спросила она, обшаривая карманы его пальто.

Гриша улыбнулся и сказал:

- Я мальчику отдал поносить, а он не принес.

III

Проходили годы за годами. Из бойких, смелых детей, что собрались на именины Леши Семибояринова, вышли ловкие, смелые люди, - и мальчишка, обманувший Гришу, нашел, конечно, свою дорогу в жизни, - а Гриша стал, разумеется, неудачником. Как в детстве, он все мечтал и в мечтах покорял царства, а на деле не умел оборонить себя от любого предприимчивого человека, который бесцеремонно отстранял его с дороги. Отношения его к женщинам были так же неудачливы, как и вся жизнь, и никогда ответное чувство не награждало его робких ухаживаний. Друзей у него не было. Одна только мать любила его.

Игумнов радовался, когда поступил на службу, на маленькое жалование, радовался тому, что теперь мать будет жить покойно, не заботясь о куске хлеба. Но счастье его не долго продолжалось:

скоро мать умерла. Гриша заскучал, упал духом. Жизнь показалась ему бесцельной. Апатия овладела им, работа валилась из рук. Он потерял место и стал сильно нуждаться.

Игумнов заложил наконец и последнее материно колечко и, выходя из ломбарда, улыбался, - чтоб не заплакать от жалости к себе.

Приходилось наведываться к разным людям, просить работы или места. Но Игумнов не умел просить: застенчивый, молчаливый, он испытывал в таких случаях непобедимое смущение и не мог настаивать на своих просьбах. Уже на лестнице перед дверью той квартиры, у хозяина которой надо чего-нибудь просить, его охватывал ужас, сердце его томительно билось, ноги тяжелели, рука нерешительно протягивалась к звонку.

В один из самых тяжелых и голодных дней Игумнов сидел в роскошном кабинете Алексея Степановича Семибояринова, отца того Леши, именины которого были ему памяты. Накануне Игумнов послал Алексею Степановичу письмо: на бумаге все же легче просить, чем на словах. Теперь он пришел за ответом.

По суетливой, беспокойной любезности Семибояринова, сухого, малорослого старичка с коротко остриженными серебристо-седыми волосами, он догадывался, что получит отказ, чувствовал себя поэтому скверно и не мог не улыбаться какой-то искусственно-ласковой улыбкой, словно ему хотелось показать, что это ничего, что если, мол, нельзя, то и не надо, а я, мол, так, между прочим. Эта улыбка, очевидно, раздражала Семибояринова.

- Получил я ваше письмо, любезнейший, - заговорил он наконец о деле своим сухим и отчетливым голосом. - Но, милейший, теперь ничего на примете нет.

- Ничего? - пробормотал Игумнов, краснея.

- Решительно ничего, почтеннейший. Все занято. И не предвидится в ближайшем будущем. Вот к Новому году можно что-нибудь устроить для вас, милейший.

- Да хоть к Новому году, - сказал Игумнов, улыбаясь с таким видом, как будто какие-нибудь восемь месяцев для него не расчет.

- Да, тогда очень рад буду. Если бы от меня зависело, я бы вас сегодня же посадил за дело. Мне очень хочется быть вам полезным, дорогой мой!

- Благодарю вас, - сказал Игумнов.

- Но скажите мне, милейший, - участливо спросил Семибояринов, - отчего вы ушли с того вашего места?

- Не пригодился, - смущенно отвечал Игумнов.

- А, не пригодились! Ну, надеюсь, что у нас, милейший, вы пригодитесь. Вы мне дайте адрес, почтеннейший.

Семибояринов суетливо принялся отыскивать на столе бумагу. Игумнов увидел тут же, под маленьким мраморным прессом, свое вчерашнее письмо.

- У меня адрес на письме написан, - сказал он.

- Да, да, верно, - оживленно заговорил хозяин, хватая письмо. - Так я буду знать.

- У меня привычка, - сообщил Игумнов, подымаясь с места, - всегда писать в начале письма адрес.

- Европейская привычка, - похвалил хозяин.

Игумнов распрощался и, улыбаясь, вышел, гордясь своими европейскими привычками, которые, однако, не мешали чувствовать голод. Его почти радовало то, что неприятный разговор кончен. Припоминались вежливые слова, преимущественно те, в которых заключались обещания и возбуждались легкомысленные надежды. Только через несколько минут, шагая по улице, он понял, что ничего из этих обещаний не выйдет. Да и обещано-то когда-нибудь, а есть надо теперь и на квартиру без денег идти тяжело, - что скажет хозяйка? Что он ей скажет?

Игумнов замедлил шаги и повернул в другую сторону. В грустной задумчивости, бледный, голодный, проходил он по шумным столичным улицам мимо сытых, занятых своими делами людей. Улыбка исчезла с его лица. Выражение мрачного отчаяния придало некоторую значительность его маловыразительным чертам.

Он приближался к Неве. Громадный купол Исаакиевского собора торжественно горел золотом на синей небесной пустыне. В лучах склоняющегося к закату солнца широкие площади и улицы подергивались нежной, еле различимой пыльной мглой. Грохот экипажей смягчился здесь, на этих великолепных просторах. Все было неприветливо и чуждо голодному, бессильному человеку. Румяные фрукты за стеклами магазинов были так же недоступны, как если бы их охраняла крепкая стража.

В нежно-зеленеющем сквере играли веселые дети. Игумнов смотрел на них и улыбался. Несносные воспоминания о детстве томили его щемящей жалостью к себе. Он думал, что ему остается только умереть. Это страшило. Но он думал:

"Почему же не умереть? Ведь было же время, когда я не жил? Будет покой, вечное забвение".

Обрывки чужих мудрых мыслей приходили в голову и утешали его.

Игумнов вышел на набережную. Опираясь о гранит, он стоял и смотрел на тяжелые волны реки. Вот только упасть туда, и все кончено. Но страшно тонуть, - захлебываться, давиться этими тяжелыми, холодными волнами, беспомощно биться и наконец в изнеможении опуститься на дно, чтобы течение повлекло тело вниз и потом выбросило безобразный труп где-нибудь на взморье.

Игумнов вздрогнул и отвернулся от реки. Неподалеку он увидел бывшего сослуживца, Куркова. Щеголевато одетый, веселый, самодовольный, Курков медленно шел, помахивая тросточкой с фигурным набалдашником.

- А, Григорий Петрович! - воскликнул он, точно обрадованный встречей. Гуляете? Или по делу?

- Да, гуляю, то есть по делу, - сказал Игумнов.

- Нам, кажется, по дороге?

Они пошли вместе. Веселый говор Куркова усиливал тоску Игумнова. С внезапной решимостью, нервно передвинув плечами, он сказал:

- Николай Сергеевич, не найдется ли у вас рубля?

- Рубля? - удивился Курков. - На что вам? Игумнов зарделся и, запинаясь, принялся объяснять:

Улыбка. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

- Да мне, видите ли... Мне не хватает именно одного рубля... Мне надо одну вещь купить... купить, знаете...

Волнение перехватило его дыхание. Он замолчал и улыбался напряженно и жалко.

"Ну, это, значит, без отдачи", - подумал Курков.

И сказал, уже не тем беспечным тоном, как раньше:

- Рад бы, но совсем нет лишних, ни гроша. Сам вчера должен был занять.

- Ну, что ж, на нет суда нет, - бормотал Игумнов, продолжая улыбаться, - как-нибудь обойдусь.

Его улыбка злила Куркова, - может быть, потому, что она была такая беспомощная и жалкая.

"Чего он улыбается? - досадливо думал Курков. - Не верит, что ли? Ну, и пусть, - у меня не казначейство!"

- Отчего вы к нам никогда не зайдете? - небрежно и сухо спросил он Игумнова, глядя куда-то в сторону.

- Все собираюсь, непременно зайду, - отвечал Игумнов дрожащим голосом, - сегодня можно?

Уютная столовая Курковых представилась ему, гостеприимная хозяйка, самовар на столе, заставленном закусками.

- Сегодня? - сказал Курков тем- же сухим небрежным голосом. - Нет, сегодня нас дома не будет. На днях как-нибудь, милости просим. Однако мне в этот переулочек. До свидания!

И он поспешно стал переходить через деревянную настилку набережной. Игумнов смотрел за ним улыбаясь. Медленные, несвязные мысли ползли в его голове.

Когда Курков скрылся в переулочке, Игумнов опять приблизился к гранитной ограде и, содрогаясь от холодного ужаса, мешкотно и неловко стал перелезать через нее.

Никого не было вблизи.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!